

Второй курс старшей школы был чрезвычайно важным годом, особенно вторая половина, когда уже не за горами третий курс. Если бы Лу Ли в этот момент взбунтовался, разве не оказались бы все предыдущие усилия напрасными?

Успехи Лу Ли в учебе всегда были на высоте, и Лу Сюцзин никогда особо не беспокоился по этому поводу. Узнав о последних событиях из уст управляющего, Лу Сюцзин наконец ощутил пробуждение отцовских чувств и решил вернуться домой. Как назло, он как раз поймал Лу Ли, сбежавшего с уроков.

И, как будто этого было мало, он получил от своей бывшей жены Ло Шаньны целую пачку доказательств, которые она прислала с явным намерением похвастаться.

□

Лу Ли никогда не думал, что заплачет.

Он не только не ожидал, что заплачет, но и не предполагал, что после слез сможет быть настолько спокоен.

Лу Сюцзин и он сидели друг напротив друга на диванах по обе стороны небольшого столика. Лу Сюцзин выглядел загадочно, а Лу Ли, опустив глаза, молчал.

— Что... ты думаешь? — спросил Лу Сюцзин, глядя на покрасневшие глаза сына, и его скрытая злость немного утихла. В конце концов, это был ребенок, которого он воспитывал столько лет. Хотя он был очень занят на работе и почти не бывал дома, чтобы видеть Лу Ли, во время каникул они иногда проводили время вместе.

Лу Ли был его привязанностью к дому, хотя в периоды занятости он почти не вспоминал о нем. Но когда иногда вспоминал, то был доволен этим ребенком.

Лу Ли, опустив голову, произнес:

— У меня нет никаких мыслей.

Лу Сюцзин помолчал некоторое время, затем сказал:

— Ты сейчас на втором курсе старшей школы, и ты еще несовершеннолетний...

Лу Ли внезапно поднял голову и, сжав губы, сказал:

— Когда стану совершеннолетним, смогу стать самостоятельным.

Лу Сюцзин слегка удивился, нахмутив брови:

— Ты не хочешь оставаться дома?

Лу Ли невольно сжал кулаки. Дом? Разве это все еще был его дом?

Лу Сюцзин, похоже, тоже понял, что сказал что-то неудачное, и, обдумав свои слова, наконец принял решение. Вопреки своей обычной прямолинейности в разговорах с Лу Ли, он на этот раз выразился мягче:

— Ты еще несовершеннолетний, по закону ты мой ребенок, и даже если между нами нет кровной связи, усыновление делает тебя моим ребенком...

Лу Ли вдруг встал и сказал:

— После гаокао я съеду отсюда.

Лу Сюцзин нахмурился:

— Ты не понимаешь, что я говорю?

Лу Ли, глядя на него своими покрасневшими глазами, ответил:

— Понимаю.

— Если понимаешь, то почему так упрямишься?

Лу Ли ответил:

— Это Ло Шаньна усыновила меня, а не ты, тебя обманули, я знаю! Тебе не нужно быть таким осторожным, мне уже семнадцать лет!

И, если он не ошибается, Ло Шаньна забрала его не сразу после рождения, так что, возможно, ему уже девятнадцать или даже двадцать!

Легкое раздражение, возникшее у Лу Сюцзина, вдруг рассеялось. Его острый взгляд устремился на юношу, который пытался казаться упрямым, и он спокойно произнес:

— Да, семнадцать лет.

Семнадцать лет — это возраст, когда даже родные родители через год могут отпустить своего ребенка.

Семнадцать лет — возраст, когда у него уже нет права на капризы.

Грудь и плечи Лу Ли, которые до этого были напряжены, вдруг опустились. Тон Лу Сюцзина был таким же официальным, как всегда, но для Лу Ли он звучал невыносимо резко.

— Ты хочешь вернуться к своим биологическим родителям? — спросил Лу Сюцзин.

Лу Ли на мгновение задумался, затем сказал:

— Они уже связались со мной.

Лу Сюцзин сразу же уловил суть:

— Ло Шаньна им помогла.

Лу Ли снова сел на диван, его растрепанные волосы падали на глаза, делая его выражение еще более разбитым.

— ...Когда тебе исполнится восемнадцать, — медленно произнес Лу Сюцзин, — я дам тебе денег, чтобы ты мог закончить магистратуру или даже начать собственное дело.

Лу Ли прикусил губу, почти до крови.

— Если ты не хочешь быть моим приемным сыном, я также помогу тебе избавиться от твоих родителей.

Лу Ли невольно начал тереть голову, пытаясь избавиться от боли, которая будто разрывала его изнутри.

— У тебя есть год, чтобы подумать, и в этот год ты должен усердно учиться.

Он сделал паузу, затем добавил:

— Не многие знают, что у меня есть ты, но это не значит, что таких людей нет. Если после гаокао ты все равно захочешь уйти, я не стану тебя останавливать.

Лу Ли ошеломленно смотрел на свои ботинки, даже переставая тереть голову. Действия Лу Сюэцина давали ему полную свободу выбора. Если он захочет, то останется его сыном, если нет — Лу Сюэцин не будет настаивать. Судя по его словам, он хотел, чтобы Лу Ли остался его сыном, но его предложение было настолько лишено эмоций, что даже официальный тон казался более теплым. Лу Ли почти слышал, как его сердце разбивается на тысячи осколков.

Лу Ли долго молчал, не соглашаясь, но и не отказываясь.

Лу Сюэцин воспринял это как согласие и, закончив разговор менее чем через полчаса, взглянул на свои часы и приказал управляющему отвезти Лу Ли обратно в школу.

Долгожданная поездка на личном автомобиле, которой он давно не удостаивался, теперь состоялась, но Лу Ли не произнес ни слова, слушая, как Лу Сюэцин инструктирует управляющего о том, чтобы тот оформил пропуск занятий на этот день...

Причина пропуска? Скажем, мать снова вышла замуж. Нужно ли больше дней пропуска? Второй курс старшей школы, о каких пропусках может идти речь!

Лу Ли опустил стекло автомобиля и положил подбородок на край окна, его взгляд был рассеянным. Лу Сюэцин взглянул на него и сказал управляющему:

— Сегодняшнее событие считаем не происходившим, впредь все как обычно.

«Все как обычно» означало, что Лу Ли по-прежнему будут считать молодым господином, но это также означало, что Лу Сюэцин больше не будет оказывать ему ни капли утешения.

Управляющий был удивлен бессердечием Лу Сюэцина. Даже он, который воспитывал Лу Ли столько лет, не смог бы так сильно злиться на ребенка. Второй курс старшей школы и без того тяжелый, учебная нагрузка огромна, и такой удар для юноши в возрасте Лу Ли — это слишком. Но Лу Сюэцин требовал, чтобы все шло как обычно. Работая в резиденции Лу столько лет, управляющий понимал, что слова Лу Сюэцина означали не только то, что Лу Ли останется молодым господином. Он также давал понять, что в его отсутствие управляющий не должен самовольно утешать Лу Ли, более того, даже проявлять малейшую заботу, включая сопровождение.

В таком состоянии Лу Ли не случится ли чего, если он будет ездить в школу на велосипеде?

Управляющий не стал задавать этот вопрос, отвез Лу Ли в школу и проводил до класса.

Был полдень, обед пропущен. Классный руководитель, всегда рассудительный, выслушав управляющего, не стал ругать Лу Ли, а спросил, поел ли он. Лу Ли покачал головой, показывая, что не ел, но, увидев заботливый взгляд учителя, после недолгого колебания добавил:

— Не хочу есть.

Управляющий вдруг спросил:

— Учитель Чэнь, могу ли я вывести его поесть?

На самом деле, и в школе, и за ее пределами можно было купить обед, а выход за территорию требовал оформления пропуска, что было довольно хлопотно.

Услышав это, классный руководитель даже не задумался, похлопал Лу Ли по плечу и сказал:

— Хорошо, но вам придется подождать, я пойду к старосте за пропуском.

Лу Ли смотрел, как учитель уходит, и его сердце сжалось еще сильнее. Его учитель даже не знал всей правды, не знал и малой части, но даже строгий классный руководитель второго курса разрешил ему свободно выходить из школы, в то время как Лу Сюэцин был настолько холоден и бесчувственен. Во второй половине второго курса за каждый оформленный пропуск учителю вычитали пять юаней из зарплаты.

Через некоторое время классный руководитель вернулся, оформил два пропуска — на вход и выход, заполнил за Лу Ли необходимые поля и передал пропуска управляющему. Затем он сказал Лу Ли:

— Ты еще молод, все трудности — это опыт. Когда поступишь в университет, начнешь работать, тогда поймешь, что все это — мелочи...

Он сделал паузу, затем добавил:

— Потерпи, пройди через самое трудное, и все наладится.

Лу Ли крепко сжал губы, не позволяя глазам покраснеть, он лишь кивнул, даже не опуская век.

Управляющий кивнул:

— Спасибо, учитель Чэнь.

Классный руководитель ответил кивком и сказал:

— Идите.

Управляющий повел Лу Ли к школьным воротам, и тот выбрал маленькую закусочную «Шаян» с плохо различимой вывеской.

Внутри закусочной четыре вентилятора стояли неподвижно, стены были покрыты серой пылью, явно давно не крашенные. Старый маленький телевизор висел в воздухе, показывая яркие, но размытые изображения, похоже, модель была выпущена несколько десятилетий назад.